

Check for updates

Методология науки

Научная статья

УДК 910.1

Иррациональный метод в географической науке: эффективность и мера использования

Ю. Н. Гладкий ^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Гладкий Юрий Никифорович, SPIN-код: [9071-9959](#), ORCID: [0000-0003-0199-8274](#), e-mail: Gladky43@rambler.ru

Для цитирования: Гладкий, Ю. Н. (2026) Иррациональный метод в географической науке: эффективность и мера использования. *Евразийский географический журнал*, т. 1, № 1, с. 7–16.

Получена 24 апреля 2025; прошла рецензирование 15 мая 2025; принята 20 мая 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ю. Н. Гладкий (2026). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY 4.0](#).

Аннотация. Внимание фокусируется на соотношении рационального и иррационального познания в географической науке. Традиционно в философии первое ассоциируется с логикой мышления и аргументами, второе — с находящимся за пределами разума и достижимым только через интуицию, чувства, веру, инстинкт и т. д. В качестве примера приводится советская общественная география, предмет исследований которой оказался в наибольшей степени скованным вненаучными ограничениями, оброс «тиной» застывших штампов и мифологем. В их числе — постулаты о стихийности и анархичности развития капиталистической экономики, о ее нерациональной территориальной структуре, надуманности теорий «социалистического народонаселения» и «капиталистического народонаселения» и т. д. Анализируется современный всплеск исследований так называемой гуманистической географии на Западе, прежде всего за счет активного включения в них человеческого сознания и когнитивных способностей индивидуумов. Аргументируется позиция, согласно которой растущий интерес к интуитивному и интерпретирующему методу распознавания и понимания явлений отличается тем, что многие его импульсы возникают за пределами географии. Делается вывод, что трактовку многими представителями гуманистической географии «феноменологии места» следует относить к теоретическому арсеналу скорее философии и психологии, чем географии. Иррациональный метод в географии связывается также с патернализмом в науке. Тем не менее отстаивается идея разумного баланса рационального и иррационального познания в географической науке.

Ключевые слова: познание географии, иррациональный подход, ненаучные ограничения, гуманистическая география, феноменализм, психология восприятия, патернализм

The irrational method in geographical science: Efficacy and application

Yu. N. Gladkiy ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Yuri N. Gladkiy, SPIN: [9071-9959](#), ORCID: [0000-0003-0199-8274](#), e-mail: Gladky43@rambler.ru

For citation: Gladkiy, Yu. N. (2026) The irrational method in geographical science: Efficacy and application. *Eurasian Journal of Geography*, vol. 1, no. 1, pp. 7–16.

Received 24 April 2025; reviewed 15 May 2025; accepted 20 May 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © Yu. N. Gladkiy (2026). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY License 4.0.

Abstract. This paper examines the relationship between rational and irrational modes of cognition within geographical science. In philosophy, the former is traditionally linked to logical reasoning and argumentation, while the latter pertains to that which lies beyond pure reason and is accessible through intuition, emotion, faith, or instinct. As a case study, the author cites Soviet social geography, a field whose subject matter was severely constrained by extra-scientific doctrines, becoming entrenched in a 'mire' of rigid cliches and mythologies. These included postulates concerning the spontaneity and anarchism of the capitalist economy, its purportedly irrational territorial organization, and the far-fetched theories of 'socialist' versus 'capitalist' populations. The article also analyzes the contemporary surge of so-called humanistic geography in the West, driven primarily by the active incorporation of human consciousness and individual cognitive capacities. It is argued that the growing interest in intuitive and interpretive methods for understanding geographical phenomena stems from impulses that originate largely outside the discipline itself. The paper concludes that many humanistic geographers' interpretations of the 'phenomenology of place' belong more properly to the theoretical arsenals of philosophy and psychology than to geography. The irrational method in geography is further associated with paternalism within scientific practice. Nonetheless, the paper advocates for a judicious 'balance' between rational and irrational cognition in geographical inquiry.

Keywords: geographical inquiry, irrational approach, extra-scientific constraints, humanistic geography, phenomenism, psychology of perception, paternalism

Введение

Идея о рациональном и иррациональном познании отражает суть двух компонентов человеческой деятельности, влияющих не только на мышление, но и на процессы принятия решений. Большинство философов полагают, что в основе первого из них лежит логика, аргументы и наблюдения, в то время как иррациональное познание формируется посредством интуитивного, эмоционального и культурного опыта. Соответственно этим представлениям в большинстве энциклопедий мира рациональное познание традиционно ассоциируется с развитием науки и технологий, тогда как иррациональное познание, строго не регулируемое логикой, но, благодаря интуитивному творчеству, спонтанным идеям и подсознательным «озарениям», способствует развитию философии и других гуманитарных наук, искусства, культуры, религии.

Экспертами замечено, что в историческом времени по мере создания новых концепций

и типов рациональности проявляется тенденция «смещения локации» истины из-за критического переосмысления «симбиоза» отмеченных эпистемологических схем — рациональной и иррациональной (Абрючнов 2005). Такая трансформация представлений вполне соответствует мысли А. Эйнштейна, датированной 1936 годом: «...наука — это не что иное, как усовершенствование обычного мышления» (Эйнштейн 1965). Еще в 1952 году британский философ Г. Хотон опубликовал книгу «Праздник неразумия» (Hawton 1952), в которой обрушился с «нападками на науку», критически расценив «отступление от разума» таких мыслителей, как Б. Паскаль, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер и Ж.-П. Сартр. Этих «светочей разума» он обвинил в «фантазийном мышлении», добавив при этом, что культ неразумия, столь модный сегодня, является весьма изоциренным и отчетливым симптомом эндемической болезни, ответственной за самые страшные катастрофы в истории.

Происходили столкновения противостоящих методологических схем: старые представления подвергались сомнению в связи с новыми способами, необходимыми для понимания ядерной науки, субатомных частиц и единого пространственно-временного континуума. Борьба приводила к тому, что сфера «нового рационального» все же неограниченно расширялась, а сфера «нового иррационального» столь же неограниченно сужалась. В итоге вопрос о рациональности не только не потерял своей значимости, но приобрел еще большую остроту. Даже в начале XXI столетия можно привести примеры веб-сайтов, где авторы, представляющиеся учеными, жалуются на «триумф науки», ее «неразумие» (например, когда речь идет об участившихся климатических флуктуациях). Об этом красноречиво повествует Д. Таверна в книге «Марш неразумия: наука, демократия и новый фундаментализм» (Taverne 2007).

Напомним, что сами понятия «наука» и «научный метод» по историческим меркам — это сравнительно недавние лексические конструкции, восходящие к работам XVII века Ф. Бэкона («отца эмпиризма» и английского материализма), отстаивавшего возможность научного познания, основанного только на индуктивных рассуждениях и натурфилософии. На протяжении веков утверждалось, что наука, созданная усилиями таких мыслителей, как Ф. Бэкон и И. Ньютон, является прототипом по-настоящему объективного поиска знаний. Уже поэтому возрождение интереса к диалогу рациональных и иррациональных факторов представляется очень важной тенденцией, свидетельствующей о целостности человеческого познания.

Поэтому случающееся исключение иррационального из представления о действительности есть представление усеченное, фрагментарное, следовательно, не истинное. По мнению многих авторов, сегодня приходит осознание того, что исследование рационального посредством изучения нерационального может оказаться полезным ключом к успеху в понимании этой философской дихотомии (Селларс 2021).

Критический анализ иррационального познания в географии не является чем-то прецедентным (Philo 2006; Short 1998; Sparke 2005 и др.), тем более что многовековое развитие описательной географии предоставляет обильный эмпирический материал для использования этого метода. Сегодня он активно используется в исторической и социальной географии (использование мифологических сюжетов, данных общественных экспертиз и пр.), климатологии,

уже не говоря о географической дидактике, отражающей проблемы страноведения, регионоведения, краеведения и т. д.

Методология исследования

Предмет исследования — соотношение рационального и иррационального познания в географической науке, что представляется важным для ее идентификации как фундаментальной и прикладной области научного знания (Sukhurov, Gladkiy 2021a; 2021b). Фокусирование акцента на общественной географии обусловлено особенно значимой ролью в развитии феноменологического метода, ассоциирующегося с сенсорным и интуитивным подходами к постижению неизвестного, что во многом соответствует иррациональному способу мыслительного процесса. *Цель* — осмысление роли иррационального познания в идентификации географии как фундаментальной науки.

Естественно, что наиболее глубокий анализ соотношения рационального и иррационального познания осуществлен в философии, благодаря ее мировоззренческому и методологическому потенциалу. Гораздо более скромно такой анализ реализован в других дисциплинах, включая географическую науку (Серова 2007; Серова, Ягодина 2010; Hawton 1952; Philo 2006; Taverne 2007 и др.).

Выбранный предмет исследования обусловил специфику использованных методов, среди которых преобладают уже наработанные методические средства — генезис идей, логика вывода, трансформация смысла, диахронический, дескриптивный и другие методы.

Автор рассматривает свою работу как поисковую и приглашение к размышлению.

Результаты и обсуждение

В плену идеологем и социоморфизма. Этот аспект имеет прямое отношение к укоренению иррационального метода в советской географии, главным образом гуманитарной, предмет исследования которой в XX столетии оказался в наибольшей степени скованным внеучными ограничениями, оброс «тиной» закоренелых штампов и мифологем (Гладкий 2010). С одной стороны, марксистская доктрина представляет собой один из наиболее ярких примеров взлета научно-теоретической мысли, с другой — можно приводить бесчисленные примеры того, как в отдельных науках (в том числе в географической) ей навязывали черты причудливого вымысла, что происходило (и происходит)

из-за отсутствия внутри самого круга теоретиков-марксистов теоретического самообновления.

Одними из «священных коров» в советской экономической географии, поклонение которым дорого обошлось для теории и практики нашей науки, явились постулаты о стихийности и анархичности развития капиталистической экономики, о ее нерациональной территориальной структуре и соответственно о планомерности и равномерности развития социалистического производства и рациональности его территориальной структуры. С высоты сегодняшнего «прозрения» нетрудно увидеть, что такое противостояние экономического строя капитализма и социализма наблюдалось фактически лишь в теоретической модели. Претенциозные заявки на создание особой теории размещения социалистического производства повлекли за собой лавинообразный поток псевдотеоретических открытий новых принципов, законов и закономерностей «социалистического размещения производительных сил». Среди них были и такие, как, например, закон *равномерного* (!) размещения производства по всей стране, закон планомерного и рационального использования природных ресурсов, закон размещения добывающей промышленности, закон размещения обрабатывающей промышленности, закон прогрессивных тенденций международного социалистического разделения труда и т. п. (Кирич 1968).

По необъяснимой инерции в географических работах вплоть до наступления XXI века (особенно в учебных пособиях) в той или иной форме по-прежнему отдавалась дань известной «социалистической теории» народонаселения, созданной якобы основоположниками марксизма-ленинизма и ассоциировавшейся с устойчивым показателем рождаемости при систематическом снижении смертности, устойчивым приростом населения, увеличением средней продолжительности жизни и всеобщей полной занятостью. В условиях неслыханной депопуляции населения России подобные «перлы» сегодня выглядят экзотично.

Примеров старых мифологем, медленно «доволакивавших свои мафусаиловы сроки» в российской гуманитарной географии, можно привести немало. Так, слишком долго ждало уточнения учение о территориально-производственном комплексобразовании (ТПК), в котором также декларировалась заскорузлая мифологема о процветающих ТПК при социализме и «чахлых» при капитализме, как будто процесс обобществления труда вовсе и не носит общеформационный характер, а развитие про-

изводства от простой агломерации к сложным агломерационным системам — привилегия лишь социалистических производственных отношений.

Сюда относятся и вульгарное понятие о «географическом детерминизме», и доведенное до абсурда представление о геополитике и геополитическом пространстве, и утверждение о несостоятельности новых перспективных направлений в социальной географии. Масштабы очистительной работы в теории гуманитарной географии резко возросли лишь в последние десятилетия. (Не удивительно, что представители природной географии обычно «аттестовались» в качестве материалистов и диалектиков, в то время как географам-обществоведам была уготована роль «верхоглядов», с трудом усваивавших азы диалектики.)

Одна из традиционных сфер страноведческого анализа, к которой привлекалось особое внимание, — выявление региональных контрастов, в том числе на уровне международных экстраполяций. Выполняя социальный заказ, советская статистика десятилетиями используя хитроумную, никому вне статистических органов не ведомую методологию, в конце 1970-х годов утверждала, что среднедушевой доход в Советском Союзе был выше, чем в ФРГ, Дании, Нидерландах, Бельгии, Великобритании, Италии (Народное хозяйство СССР за 60 лет 1977). Увы, это была примитивная ложь. Вынужденные переносить подобные «перлы» Госкомстата в страноведческие работы и учебные пособия, географы невольно становились соавторами иррациональных, лженаучных выводов и сравнений, тем самым снижая достоверность и качество своих учебно-методических научных разботок.

Представляется, что при поиске таких ориентиров одним из гарантов очищения общественной географии от «идеологической скверны» может служить ее возвращение как можно ближе к Земле («наружной земной оболочке» П. Броунова, или эпигеосфере). Заметный отрыв от природы (причем этот отрыв имеет тенденцию усиливаться) объективно ведет к дезинтеграции географических наук и нередко служит питательной средой для не всегда безобидных нападков на социально-экономическую географию. (Здесь уместно будет напомнить еще довоенный призыв Н. Н. Баранского опасаться бесприродной экономической географии. Будучи в плену известных идеологических догм, он тем не менее интуитивно предвидел появление той «стены», которая исподволь кое-где воздвигалась между географией физической и экономической.)

Увлечение географов-гуманитариев эфемерными схемами, плохо соотносящимися с естественным фоном и имеющими косвенное отношение к науке, давно уже приобрело характер «перманентной моды». Теоретическим обоснованием подобных конструкций обычно служит здравая идея о «рядоположенности» вещественных, энергетических и информационных взаимоотношений в пространстве. Однако, с одной стороны, как справедливо подчеркнул В. Н. Солнцев, «не все связи-взаимоотношения есть связи-взаимодействия», и «разные связи-взаимодействия отображают и упорядоченность, и разупорядоченность, и антиупорядоченность» (Солнцев 1977); с другой — структурирование пространства в гуманитарной географии нередко происходит в результате субъективных, иррациональных (явных или латентных) акций человека, что крайне затрудняет научный анализ и низводит географию до уровня наукообразного описания.

Феноменологическая экспансия в географии.

Нижеследующий сюжет отражает влияние иррационального метода уже в современной географической науке. Одной из недооцениваемых географическим сообществом угроз идентичности своей науки служит масштабная ее феноменологизация — чрезмерное проникновение междисциплинарных импульсов в методологическую базу науки о Земле. При этом особый структурный пласт феноменологического мышления связан с иррациональным, в том числе магическим. Последнее является иррациональным конструктом, призванным справиться с той или иной пугающей или непреодолимой проблемой. Ориентированное объект-субъектно магическое осмысление социальной реальности, актуальное не только для традиционных, но и для современных обществ, в той или иной мере присуще практически всем народам. Поэтому его географическая проекция и установление специфики очень затруднена.

Отличительная черта феноменологического метода мышления, предложенная его главным «промоутером», «гуру» целой эпохи Э. Гуссерлем (1859–1938) в работе «Логические исследования» (Гуссерль 2011, т. 1), — ориентация на субъективизм, на данные непосредственного созерцания и «стабильные очевидности». Имеется в виду, что все явления и процессы в окружающем мире, ассоциирующиеся с собственными представлениями о них (феноменах), каждым индивидуумом воспринимаются субъективно.

Несмотря на вменяемые этому методу недостатки (как то: субъективизм, приоритет философской антропологии, разрыв с методологией

естественных наук, схоластичность, ограниченность области применения и др.), трудно абстрагироваться от того факта, что феноменология, по сути дела, стала одним из наиболее влиятельных направлений философии XX столетия. Более серьезного внимания заслуживает лишь вопрос о *мере* использования подобного способа анализа в современной географической науке и *предметной сущности* самой «географической феноменологии».

Камень преткновения видится в том, что линия размежевания географии физических и социальных объектов с «психологией восприятия» — традиционным «носителем» феноменологической интенции, а также «философией восприятия» — области вселенского бытия духа и метафизики, сторонниками феноменологического подхода определяется субъективно, в «пользу» психологии и философии. Поскольку все грани в науке (равно как и в обществе) условны, то стремление представителей других областей знания творчески проявить себя в междисциплинарном зазоре, казалось бы, достойно похвалы. Однако это тот случай, когда типичные области психологии и философии личности, исследующие проявления психического функционирования личности и развития человека (мотивацию, эмоции, память, волю, способности и т. д.) фокусированы на географический предмет исследования. Нетрудно видеть, что феноменологическая экспансия чревата постепенным «размыванием» субстрата именно географической науки, связанного с реальным физическим миром — с «*гео*».

Философские «страсти» особенно разгорелись после публикации в 1976 году работы Э. Релфа «Место и беспредметность» (Relph 1976), что во многом способствовало формированию (первоначально в сознании философов и психологов) новой дисциплины «гуманистическая география». Неслучайно среди идеологов и сторонников гуманистической географии были именно философы — сам основатель феноменологии Э. Гуссерль, а также Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Мерло-Понти, М. Фуко, А. Шютц и др. Было много представителей других предметных областей, которые иногда имели урезанное или даже «смутное» представление о теоретических основах и русле географических (особенно естественно-географических) исследований. Очень вероятно, что именно это обстоятельство побудило некоторых аналитиков посоветовать на низкий уровень философской эрудиции географов, в результате чего отношения «субъект — объект» рассматривались, по их словам, крайне примитивно, и поэтому возникает неверная

интерпретация процесса познания, основанная на феноменологическом подходе.

В сознание научного сообщества постепенно внедрялась идея, что в географии понятие «место» сводится лишь к «элементарному местоположению». Идея основана на критике его редукции, и только благодаря географам-гуманистам, таким как А. Баттимер, Д. Лей, Э. Релф, Д. Саймон, Йи Фу Туан, которые добавили к определениям «человек», «опыт» и «смысл», произошла настоящая революция в понимании концепции «феноменологии места» (Talebian, Uraz 2018).

Здесь возникает правомерный вопрос: в чьем понимании «революция»? По сравнению с атомистами древности и Платоном, которые отождествляли пространство с пустотой или материей, новая интерпретация этого понятия с акцентом на сознание и когнитивные способности человека, конечно, может быть отнесена к заметным достижениям философской и психологической мысли. Но не географической!

И все же распространенный вердикт о «несовместимости» феноменализма и науки носит, на наш взгляд, излишне радикальный характер. Во-первых, позднеклассическая рациональность включает в себя *иррациональное*, т. е. несоизмеримое с рациональным мышлением или даже противоречащее ему (можно сказать — феноменологическое). Известно, что поиску истины нередко предшествует интуиция — период подсознательной деятельности, во время которой вызревает новая идея. В этой связи можно также упомянуть о патернализме в науке, явлении иррациональном, питающемся харизмой, данной от природы исключительностью ученого.

Во-вторых, многие страны за свою историю накопили богатую мифологию, которая иногда ассоциируется с «окном», через которое можно «заглянуть в головы» тех, кто их создал. Мифы и мифология народов — это значимая ступень в их развитии, которая учитывается этнологами, историками, социологами.

Феноменологическими атрибутами могут обладать произведения народного искусства, сакральные памятники монументальной культуры и т. д. Если эти элементы не противоречат лаконичному, но бесспорному определению сущности образной пространственности: «...совокупность ярких, характерных знаков, символов, ключевых представлений определенного пространства» (Замятин 2005), то они вполне могут рассматриваться в качестве конкретного, предметного знания, полученного в результате эмоционально-чувственного созерцания явления. Разумеется, не каждый элемент

после экспликации может претендовать на статус научного факта.

Но главное кроется все же не в этом. Если географическая наука под напором феноменологизма будет и далее уступать свои позиции ортодоксальной «гуссерлианской географии» и ее новым вариантам, базирующимся на ненаблюдаемых, ненаучно проверяемых субъективным опытом фактах, может ли она в этом случае претендовать на статус *прикладной, конструктивной*? Или она будет довольствоваться ролью «психологической» или «философской субдисциплины»?

О феноменализме иррационального мышления. Особый структурный пласт феноменологического мышления связан с иррациональным, в том числе магическим, мышлением (Народное хозяйство СССР за 60 лет 1977, 709; Романов 2000, 190). Последнее является иррациональным конструктом, призванным справиться с той или иной пугающей или непреодолимой проблемой. В таких случаях на помощь приходят астрология, гадания, вера в карму и т. п. Ориентированное объект-субъектно магическое осмысление социальной реальности, актуальное не только для традиционных, но и современных обществ, в той или иной мере присуще практически всем народам. Поэтому его географическая проекция (в данном случае на рассматриваемый регион) и установление специфики очень затруднена.

Как известно, иррациональное мышление предполагает интуитивный и сенсорный подходы к постижению неизведанного, ориентируя при этом не на факты, а на «шестое чувство», что вполне отвечает духу феноменализма. Так, анализируя теоретические позиции многих современных экологов (в том числе «высокорейтинговых»), понимаешь, что они опираются на весьма шаткий фундамент, поскольку не в состоянии дать четкие ответы на многие принципиальные вопросы, относящиеся к проблеме возможного экологического коллапса.

Речь идет, например, о значениях параметров моделей температурных аномалий на Земле с обязательным учетом достоверной информации об исторической динамике температуры Мирового океана и стратосферы; об истинной роли влияния на глобальный климат человека и длинных климатических циклов по отдельности; о реальных уровнях концентрации парниковых газов, и прежде всего CO₂, и т. д. Не имея убедительных ответов на эти вопросы, трудно избавиться от мысли, что как климатология в целом, так и историческая динамика уровней концентрации углекислого газа по-прежнему остаются «сумеречными» зонами науки.

В этой связи возникают нестандартные вопросы: можно ли в таких условиях характеризовать человеческие действия в сфере изменений глобального климата как сугубо рациональные в силу их сомнительной осмысленности? И не является ли отсутствие осознанности происходящего причиной наблюдающегося господства интуитивного и сенсорного подходов (по существу — иррациональных, феноменологических) к постижению процессов, отражающих нынешний климатический кризис?

Трудно поверить, что известная во всем мире представительница Швеции, климатическая активистка Грета Тунберг (дважды претендовавшая на Нобелевскую премию и выступавшая с трибуны ООН с пламенно-язвительной речью) имеет хоть малейшее представление не только об ответах на эти вопросы, но и об их содержании и важности. Ее «научный» арсенал заключен в тирадах типа: «Вы украли мои мечты и мое детство своим пустословием. Люди страдают. Люди умирают. Рушатся целые экосистемы. Мы находимся в начале массового вымирания. И все, о чем вы можете говорить, — это деньги и сказки о вечном экономическом росте» (Стенограмма: речь Греты Тунберг... 2019).

Можно по-разному относиться к оценкам ее деятельности, но это обстоятельство вовсе не ставит под сомнение ее точку зрения на характер изменений в мире, угрожающих жизням огромного количества людей. В ее защиту приведем мнение известного «иррационального» экологического активиста, исследующего возможности преодоления линейности времени и освобождения от физической причинности и детерминизма: «...экологический кризис уже не имеет рационального или логического способа его преодоления, Все „научные“ варианты не только *перестали работать*, но, поскольку эти методы используют тот же тип мышления, который и привел к этому кризису, будучи применяемыми, они только усугубляют экологическую катастрофу» (Грязнов 2020).

Не в этом ли кроется то самое (не гегелевское) «рациональное зерно», из безысходности (то есть отставания науки) берущееся на вооружение, как достаточно образованными активистами экологического движения, так и некоторыми недоучившимися представителями юного поколения, подобными Г. Тунберг. Ведь иррациональность может пониматься как «свое-иное» рациональности, будучи неотъемлемой частью человеческого мышления вообще. Таким образом, постнеклассическая рациональность одновременно представлена и иррациональным, то есть феноменологическим.

Когда речь идет об экологии, следует помнить, что рациональное и иррациональное в развитии общества и природы — не простое соотношение разумного и стихийного в социоприродном процессе. Наблюдающееся в публикациях отождествление понятий «рациональность» и «разумность» ущербно, хотя бы по причине игнорирования ценностно-ориентированных компонентов, особенно при развитии экономики. Современный техногенез, целью которого является создание техногенного социума с его наукотехникой и техносферой, очень «благоприятствует» обострению экологического кризиса. При этом игнорируется тот факт, что искусственный мир и естественный — элементы единой системы земной жизни, следовательно, их генезис должен происходить в форме коэволюции, а не противостояния.

Когда же современная наука отстает в исследовании «секретов» такой коэволюции, на «тропу» борьбы за установление приемлемых социоприродных форм бытия выходят представители иррационального экологического движения, одержимые желанием внести сильную помощь человечеству, погружающемуся в «бездну».

О патернализме в географической науке. Как известно, явление патернализма «генетически» ассоциируется с патриархальной общиной, в которой взаимоотношения всегда формировались как бы в рамках жесткой внутренней иерархии примата семьи над индивидуумом, часто «освященной» харизмой человека, облеченного властью и немонетарными формами отношений. В научной сфере эта модель отношений часто возникает как потребность учителей опекать, а учеников принимать опеку. На кафедрах и в лабораториях учитель нередко почитается как личность «на грани святости», как «интеллектуальная виагра», а лексикон учеников изобилует такими понятиями, как «аристократ духа», «властитель дум» и т. п. (Серова 2007; Швецова 2007).

Конечно, признание заслуг учителя всегда делает честь благодарному ученику, но наделение даже великой личности качествами спасительно-мессианского нарратива в состоянии иногда «затормозить» развитие научного знания, особенно в тех случаях, когда в науке происходит формирование новой парадигмы. Труды Л. С. Берга, А. фон Гумбольдта, Э. Реклю, К. Риттера, П. П. Семенова-Тян-Шанского и других великих географов-мыслителей оставили неизгладимый след в развитии географической науки, но все-таки широта их научных интересов и глубокая эрудиция неразрывно связаны

с минувшими эпохами. И даже они не могли спроецировать дальнейший ход развития бурно трансформирующейся науки XXI века: появление новых перспективных областей научного знания, резкую деформацию регенерационных механизмов биосферы и остроту нынешнего экологического кризиса. В первую очередь замечание относится к географии Человека.

«Нельзя не согласиться с тем, — замечает И. А. Серова, — что эффективность харизмы порождает стремление создать искусственные аналоги — псевдохаризму, управляемую чужим разумом функцию вожака» (Серова 2007). Именно харизмой «питается» иррациональность патернализма, так как этот феномен представляет собой не что иное, как иррациональную технику движения вперед. В развитии теоретических основ географической науки не трудно отыскать случаи явной идеализации воззрений именитых предшественников, а также нерешимости внесения корректив в их творческое наследие, даже если они вполне очевидны.

Акцентируем внимание лишь на одной проблеме, безуспешному решению которой автор потратил немало сил (в том числе выполняя функции вице-президента РГО). Речь идет о том, что географическому сообществу пора, наконец, обрести решимость отправить в «утиль» невразумительное название «экономическая, социальная, политическая и рекреационная география» (прежде оно носило хотя и более внятное, но неудачное название «экономическая и социальная география»). Понятное стремление многих использовать более лаконичное название «общественная география» способно вызвать смущение, поскольку в переводе на европейские языки оно ассоциируется лишь с «социальной географией». Поэтому здравый смысл подсказывает обратиться к названию «география человека» (в противовес «природной географии» и по ассоциации с «*human geography*»).

Во-первых, столь фундаментальная отрасль научного знания категорически не приемлет нынешнего столь длинного названия (к тому же не застрахованного от дальнейшего «удлинения» за счет культурной географии, исторической и т. д.). Во-вторых, традиционные ссылки противников этого шага не только на давно зарегистрированную в прошлом «географию человека» харизматичного французского географа П. Видаля де ла Блаша (Л. Галлуа, А. Деманжона, М. Дюбуа и др.), но и ведущих советских географов следует считать казуистическими. Их надо просто игнорировать на том основании, что достойную для своего времени концепцию «поссибилизма» Видаля де ла Блаша сегодня

уже неуместно соизмерять с тематическими масштабами сильно дифференцировавшейся географической науки. Харизма западного ученого, независимо от него, отражалась на опасении советских географов заимствовать единственно адекватное название фундаментальной науки.

Как известно, стержневой элемент теории этого блистательного географа — категория *локальности* развития цивилизации, основу которой образуют отдельные очаги, служащие «первокирпичиками» цивилизации. Эти очаги, формирующиеся *во взаимодействии человека с природой*, эволюционируют, расширяются и охватывают все новые и новые территории. В отличие от немецкой школы геополитики, Видаль де ла Блаш ставил на первое место не географический фатализм, а волю и инициативу человека; как и природа, человек может рассматриваться в качестве «географического фактора». Причем этому фактору он отводил активную роль субъекта воздействия на исторические процессы в рамках природного комплекса.

Конечно, современная «*human geography*» обрела совершенно иной облик: сильно диверсифицировалась ее структура, обрели «законный» статус многие географические дисциплины, обсуждаются новые, подчас дискуссионные парадигмы и т. д. Но роль Человека как объекта и субъекта географической науки остается такой же «моногенной», какой она виделась П. Видалю де ла Блашу.

В таком случае, что же мешает российскому географическому сообществу уточнить громоздкое и нелепое имя фундаментальной науки, заменив его академическим названием «*география Человека*»?

Заключение

Подводя итог изложенному, следует признать, что с учетом повсеместного разочарования в рациональном мышлении и мировоззрении затронутая проблема соотношения рационального и иррационального в географии не имеет права восприниматься поверхностно. Нетрудно привести примеры ситуаций в географической науке, когда рациональность явно «наталкивается» на пределы своих возможностей. Достаточно упомянуть о состоянии климатологии как «сумеречной» области науки, пытающейся безуспешно решать задачи со многими неизвестными (отражающими, например, значения параметров вековых моделей температурных аномалий на Земле, информацию об исторической динамике температуры Мирового океана

и стратосферы или даже реальные уровни концентрации парниковых газов). Тревожная ситуация возникает в связи с экспансией феноменологического подхода в географии, отождествляемого с интуицией и сенсорным познанием, субъективным восприятием действительности.

Признавая неуничтожимую ценность иррационального познания, не следует забывать, что вера в разум, в рациональное познание, начиная с Декарта, была тесно связана с попытками разработать некий универсальный метод, какиелибо «правила для руководства ума». Ведь

только на базе вполне рационального рассуждения Человек способен осознать границы рациональности.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Список литературы

- Абрючнов, А. М. (2005) Рациональное и иррациональное в диалектической интерпретации. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, т. 11, № 11, с. 121–124.
- Гладкий, Ю. Н. (2010) *Гуманитарная география: научная экспликация*. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 663 с.
- Грязнов, Г. (2020) Иррациональный экологический активизм (интервью). *Вконтакте*. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/@grigorygryaznov-irrationalnyi-ekologicheskii-aktivizm-intervu> (дата обращения 14.02.2025).
- Гуссерль, Э. (2011) *Логические исследования: Пролегомены к чистой логике. Т. 1*. М.: Академический Проект, 253 с.
- Замятин, Д. Н. (2000) Феноменология географических образов. *Новое литературное обозрение*, № 6, с. 255–275.
- Кирич, Ф. Я. (1968) *О законах размещения производительных сил в период строительства коммунизма*. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 194 с.
- Народное хозяйство СССР за 60 лет*. (1977) М.: Статистика, 709 с.
- Романов, П. В. (2000) *Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России*. Саратов: Изд-во Саратовского государственного университета, 190 с.
- Селларс, У. (2021) *Эмпиризм и философия сознания*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 268 с.
- Серова, И. А. (2007) Иррациональное в науке: патернализм и харизма. В кн.: *Третьи Лойфмановские чтения. Образы науки в культуре на рубеже тысячелетий: материалы Всероссийской научной конференции*. Екатеринбург: Изд-во Уральского федерального университета, с. 128–132.
- Серова, И. А., Ягодина, А. Ю. (2010) Иррациональное в науке. *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*, № 3 (23), с. 50–53.
- Солнцев, В. Н. (1977) О трудностях внедрения системного подхода в физическую географию. *Вопросы географии*, № 104, с. 20–36.
- Стенограмма: речь Греты Тунберг на Саммите ООН по мерам в области изменения климата. (2019) *National Public Radio*. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20190925/245886965.html> (дата обращения 14.02.2025).
- Швецова, Н. А. (2007) Феномен харизмы в общественном сознании. *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Культурология*, № 1, с. 64–76.
- Эйнштейн, А. (1965) *Физика и реальность*. М.: Наука, 360 с.
- Hawton, H. (1952) *The feast of unreason*. London: WATTS & CO. Publ., 236 p.
- Philo, C. (2006) *Geography in an age of unreason*. [Online]. Available at: <https://eprints.gla.ac.uk/116563/1/116563.pdf> (accessed 14.02.2025).
- Relph, E. (1976) *Place and placelessness*. London: Pion Publ., 156 p.
- Short, J. (1998) *New Worlds, New Geographies*. Syracuse: Syracuse University Press, 244 p.
- Sparke, M. (2005) *In the Space of Theory: Post-Foundationalism of the Nation-State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 416 p.
- Sukhorukov, V., Gladkiy, Yu. N. (2021a) Axiological contexts of geographical cognition. *European Journal of Geography*, vol. 12, no. 3, pp. 103–112.
- Sukhorukov, V., Gladkiy, Yu. N. (2021b) Culture and education as a binding condition for harmonious personal development. In: G. Roos (ed.). *E3S Web of Conferences. Vol. 291*. Les Ulis: EDP Sciences — Web of Conferences Publ., article 05008. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129105008>

- Talebian, N., Uraz, T. U. (2018) The post-phenomenology of place: Moving forward from phenomenological to post-structural readings of place. *Open House International*, vol. 43, no. 2, pp. 13–21.
- Taverne, D. (2007) *March of Unreason: Science, Democracy, and the New Fundamentalism*. New York: Oxford University Press, 320 p.

References

- Abrochnov, A. M. (2005) Rational and irrational in dialectical interpretation. *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 11, no. 11, pp. 121–124. (In Russian)
- Einstein, A. (1965) *Physics and Reality*. Moscow: Nauka Publ., 360 p. (In Russian)
- Gladkiy, Yu. N. (2010) *Humanitarian geography: Scientific explication*. Saint Petersburg: Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Publ., 663 p. (In Russian)
- Gryaznov, G. (2020) Irrational environmental activism (interview). *Vkontakte*. [Online]. Available at: <https://vk.com/@grigorygryaznov-irrationalnyi-ekologicheskii-aktivizm-intervu> (accessed 14.02.2025). (In Russian)
- Hawton, H. (1952) *The feast of unreason*. London: WATTS & CO. Publ., 236 p. (In English)
- Husserl, E. (2011) *Logical research. Prolegomena to pure logic. Vol. 1*. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 253 p. (In Russian)
- Kirin, F. Ya. (1968) *On the laws of the allocation of productive forces during the construction of communism*. Chelyabinsk: South Ural Book Publ., 194 p. (In Russian)
- Philo, C. (2006) *Geography in an age of unreason*. [Online]. Available at: <https://eprints.gla.ac.uk/116563/1/116563.pdf> (accessed 14.02.2025). (In English)
- Relph, E. (1976) *Place and placelessness*. London: Pion Publ., 156 p. (In English)
- Romanov, P. V. (2000) *Formal organizations and informal relations: A case study of management practices in modern Russia*. Saratov: Saratov State University Publ., 190 p. (In Russian)
- Sellars, U. (2021) *Empiricism and philosophy of consciousness*. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg Publ., 268 p. (In Russian)
- Serova, I. A. (2007) Irrational in science: paternalism and charisma. In: *Third Loifman readings. Images of science in culture at the turn of the Millennium: Proceedings of the All-Russian scientific conference*. Ekaterinburg: Ural Federal University Publ., pp. 128–132. (In Russian)
- Serova, I. A., Yagodina, A. Yu. (2010) Irrational in science. *Vestnik of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*, no. 3 (23), pp. 50–53. (In Russian)
- Short, J. (1998) *New Worlds, New Geographies*. Syracuse: Syracuse University Press, 244 p. (In English)
- Shvetsova, N. A. (2007) The phenomenon of charisma in the public consciousness. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, no. 1, pp. 64–76. (In Russian)
- Solntsev, V. N. (1977) On the difficulties of introducing a systematic approach to physical geography. *Voprosy geografii*, no. 104, pp. 20–36. (In Russian)
- Sparke, M. (2005) *In the Space of Theory: Post-Foundationalism of the Nation-State*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 416 p. (In English)
- Sukhorukov, V., Gladkiy, Yu. N. (2021b) Culture and education as a binding condition for harmonious personal development. In: G. Roos (ed.). *E3S Web of Conferences. Vol. 291*. Les Ulis: EDP Sciences — Web of Conferences Publ., article 05008. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202129105008> (In English)
- Sukhorukov, V., Gladkiy, Yu. N. (2021a) Axiological contexts of geographical cognition. *European Journal of Geography*, vol. 12, no. 3, pp. 103–112. (In English)
- Talebian, N., Uraz, T. U. (2018) The post-phenomenology of place: Moving forward from phenomenological to post-structural readings of place. *Open House International*, vol. 43, no. 2, pp. 13–21. (In English)
- Taverne, D. (2007) *March of Unreason: Science, Democracy, and the New Fundamentalism*. New York: Oxford University Press, 320 p. (In English)
- The national economy of the USSR for 60 years*. (1977) Moscow: Statistika Publ., 709 p. (In Russian)
- Transcript: Greta Thunberg's speech at the UN Climate Action Summit. (2019) *National Public Radio*. [Online]. Available at: <https://inosmi.ru/20190925/245886965.html> (accessed 14.02.2025). (In Russian)
- Zamyatin, D. N. (2000) The phenomenology of geographical images. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6, pp. 255–275. (In Russian)